

18+

МАРИЯ ВЕСТЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВКУС ЖИЗНИ

Мария Вестер

Вкус жизни

«Автор»

2026

Вестер М.

Вкус жизни / М. Вестер — «Автор», 2026

Травма младшей сестры Амелии ставит Мари перед выбором: остаться в иллюзии безопасности или вступить в опасную игру, где цена спасения может оказаться слишком высокой. Когда доктор Лемер обещает, что Амелия сможет вернуться к нормальной жизни, Мари цепляется за эту надежду. Но чем дальше она заходит, тем отчётливее понимает: мало сбежать от монстров. Чтобы защитить тех, кого любишь, придётся встретиться с другой частью себя. Ведь самый опасный монстр скрывается не во тьме... а внутри.

© Вестер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Безвкусное	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мария Вестер

Вкус жизни

Часть 1. Безвкусное

Я вздрогнула от громкого хлопка входной двери. Я так увлеклась поиском информации для группового проекта, что забыла о возвращении мамы и Рафаэля из магазина. Я поспешила вниз, чтобы помочь маме с пакетами.

– Сколько раз я просила тебя не загораживать дорогу возле дома своей развалюхой? – недовольный голос застиг меня во время спуска со второго этажа.

Кажется, первый выходной в доме отчима не обещал ничего хорошего. Я остановилась под лестницей, уже протянув руки, чтобы забрать у мамы пакет, но она отвела его в сторону и демонстративно прошла мимо меня. Пакеты звенели бутылками и шуршали вздутыми пачками со снеками.

Каждый раз, когда я приезжала и парковалась недалеко от лестницы к дому, меня ждал выговор из-за машины. И сколько бы я ни убеждала её, что никому не мешаю, это ничего не меняло.

Мама ушла на кухню, но разговор продолжила:

– Когда переставишь это железное ведро, приготовь ужин. Скоро Амелия вернётся.

– Мой форд никому не мешает, – тихо сказала я в своё оправдание.

– Заткнись и сделай то, что велено. Эта машина – рухлядь! Всё, к чему приложил руку твой отец, – рухлядь.

Я молча проглотила обиду. Всё худшее, по словам мамы, я унаследовала от отца: тёмные кудрявые волосы, простые карие глаза и россыпь веснушек на щеках. Мама, отчим и Амелия, напротив, от природы были светловолосыми и голубоглазыми.

– Красивая помада...

От вкрадчивого приглушённого голоса отчима меня охватила дрожь, и я опустила глаза. Обычно я не пользовалась косметикой, но с началом зимы от пронизывающего ветра губы сохли и трескались до крови без увлажняющей помады, поэтому мне пришлось нанести её. Как назло, у меня осталась только розовая, с влажным блеском.

В коридор вернулась мама.

– Опять намалевала свои огромные губы? – Сжав мой подбородок, она стёрла помаду, а затем придирчиво осмотрела моё лицо. – Лучше бы замазала веснушки, похожа на пятилетнюю.

Когда они оба уходили на кухню, отчим скользнул по мне взглядом, непозволительно долго задержавшись на губах.

Меня передёрнуло, и, быстро надев пальто и сапоги, я вышла на улицу. На глазах против воли выступили слёзы, но морозный воздух тут же высушил их, пока я быстро спускалась по лестнице к машине.

– Доброго дня, мадемуазель Бошен!

Я вздрогнула, когда меня окликнул сосед. Он приветливо махал рукой, а его чёрный шипперке весело виляя коротким хвостом, зашёлся лаем.

– Доброго дня, месье Якобс! Привет, Харли! – Я села на корточки, и мне в руки тут же влетел радостный пёс, которого я поспешила погладить за ушком. – Как ваши дела? Харли выздоровел?

– Спасибо за беспокойство, ему намного лучше!

Пёс ткнулся носом, я чмокнула его в ответ, тихонько спросив:

– А ты всё ещё терроризируешь уток на канале, да?

Сосед усмехнулся:

– Любимое занятие по расписанию! Как ты поживаешь? Как твой старик?

Против воли я улыбнулась, вспомнив папу.

– Учёба отнимает всё время, но мы стараемся созваниваться. – Харли лизал меня в лицо, и я уворачивалась, как могла. – Я передам ему от вас привет.

– Харли, хватит, негодник! – месье Якобс потянул поводок, и пёс послушно пошёл к хозяину, делая вид, что так и задумывал. – Очень жаль, что вы редко видите. Мы, старики, исчезаем быстрее, чем вам кажется. Передай маме и сестрёнке от меня привет, Харли по ним очень скучает.

На мгновение у меня перехватило дыхание.

– Обязательно, месье Якобс, передам. Всего вам хорошего!

– Твоя мама всегда очень приветлива с нами. Пойдём, Харли.

Я терпеливо ждала, пока сосед исчезнет за поворотом, а потом переставила свой форд ближе к живой изгороди, на противоположную сторону дороги. Включив обогрев, я сидела в машине. Вскоре стёкла начали запотевать, и я провела рукой по окну, чтобы убрать конденсат и не упустить момент, когда вернётся Амелия.

Я обвела взглядом дом отчима – типичный коттедж из красного кирпича, стоящий на небольшом пригорке. Нижний уровень дома полностью скрывался в холме, и лишь гаражная дверь напоминала о том, что когда-то там стоял автомобиль Рафаэля. Основная же часть дома – с двумя окнами, черепичной крышей и лестницей из серого камня – словно наблюдала за мной с холма в ответ.

Этот дом был один такой... пустой. Без гирлянд, без украшений на окнах. В других домах напротив мигали огни, за шторами просвечивались силуэты ёлок и рождественских венков, а на деревьях, покрытых инеем, болтались игрушки и фонарики.

Я знала, мама скажет, что «украшения – это глупости, показуха». А отчим, как обычно, промолчал бы, пожимая плечами. Я же могла часами с теплотой вспоминать, как мы собирались всей семьёй, когда Амелия была маленькой. Мы могли смотреть рождественские фильмы или играть в игры. Но когда был тот последний раз, когда мы проводили рождественский вечер весело?

Руки задрожали на руле, и я спрятала их в карманы, чтобы согреть, хотя прекрасно понимала, что дрожь была не от холода. Я глубоко вздохнула, пытаясь привести мысли в порядок и вернуться в настоящее. Сейчас важнее всего было то, что я не видела сестрёнку три месяца и хотела сполна насладиться этим коротким временем вместе.

Всё будет хорошо. Нужно просто потерпеть несколько дней. Главное, что я увижу Амелию. Может, мы сможем сходить в парк или просто побыть вдвоём? Главное – держать себя в руках и не спорить.

Если бы я не приехала, Амелия обиделась бы. И я так сильно скучала...

Да, в университете всё было проще. Никто не следил за каждым моим шагом, не устраивал скандалов. Между лекциями, экзаменами и библиотекой я хоть ненадолго могла забыть о том, что происходило за пределами университета.

К тому же там проходили мои сеансы с месье Адрихемом. После них впервые за долгое время казалось, что впереди могло быть что-то ещё, кроме бесконечных попыток пережить очередную неделю. Иногда я представляла, что, окончив университет, найду работу и сниму маленькую квартиру где-нибудь подальше отсюда. Может быть, рядом с рекой или озером. Амелия сможет приезжать ко мне, когда захочет.

Мысли незаметно унесли меня в прошлое, и перед глазами мелькнули обрывки первого сеанса. Кабинет месье Адрихема – светлый, с большим окном, совсем не похожий на кабинеты

психотерапевтов из фильмов, – поначалу казался мне ловушкой. Я помнила, как судорожно сжимала пальцы, не зная, с чего начать, и как его ровный, спокойный голос посоветовал:

– Обычно люди начинают с того, что первым приходит в голову.

Я тогда сразу заговорила о матери, но уже через пару минут взхлёб рассказывала об Амелии. Месье Адрихем слушал внимательно, не перебивая, пока из меня не вырвалось испуганное:

– Амелия – единственная, кого я люблю.

Это прозвучало слишком громко. Я похолодела, тут же пожалев о своей откровенности. Но он не стал спорить и говорить, что родителей необходимо уважать. Месье Адрихем просто принял мой ответ.

И тогда я позволила себе немного расслабиться. Однако к концу сеанса, когда разговор неизбежно коснулся отчима, у меня вспотели ладони. Месье Адрихем тогда отложил блокнот, заметив, как я застыла.

– Что вас беспокоит в нём? – спросил он.

– Не могу объяснить, – я покачала головой, чувствуя, как внутри всё сжалось от глухого страха.

– Не можете? Или пока не хотите?

Я молчала, ожидая, что он потребует ответов, которые я сама боялась формулировать. Но месье Адрихем лишь кивнул:

– Хорошо. Тогда пока оставим это без определения. Иногда ощущение появляется раньше, чем мы можем высказать его...

От резкого стука в окно я вздрогнула, но, обернувшись, увидела улыбающуюся сестру у машины. Не сдерживаясь, я выскочила и обняла Амелию.

– Ты давно тут сидишь? – спросила она. – Я так рада, что ты приехала, когда я попросила.

– Я просто переставляла машину. Ты, наверное, замёрзла? Идём домой!

– Нет, мне не холодно. А мама с папой дома?

Я сглотнула, чтобы развеять остатки мыслей.

– Да, недавно пришли.

– Окей, пошли домой! – Амелия подмигнула и, сорвавшись с места, побежала через дорогу к дому.

Закрыв машину, я направилась за ней следом.

Пока Амелия разбирала вещи, я копалась в холодильнике и выбирала продукты, чтобы приготовить наше любимое блюдо. Маму и отчима не было слышно, наверное, они были в своей спальне.

– О! Ты готовишь рамен?

В кухню влетела сестрёнка и начала суетиться рядом с моей рукой, в которой я держала нож.

– Да. Будешь? – я аккуратно отодвинула её подальше, нарезая веточки лука. – Только сделаю тебе без острого соуса.

– Хорошо!

Амелия запрыгнула на барный стул напротив высокой столешницы и заёрзала на нём, устраиваясь удобнее.

– Мы тогда здорово посидели в азиатском ресторанчике с твоим папой! Может, ещё раз сходим с ним куда-нибудь?

– Обязательно сходим! Но сейчас будет домашний вариант, ты не против? – спросила я, закидывая лапшу вариться.

Амелия покачала головой и терпеливо ждала, подперев голову ладошками. Я достала поджаренную курочку из гриля и отлила в плошку бульон с лапшой. Следом отправились нарезанная ломтиками курица и половинки отварных яиц.

Я знала, что Амелия любила рамен именно как суп и любила украшать его сама, ведь так она делала в том азиатском ресторанчике, куда мы ходили с папой. Поэтому я поставила перед ней небольшую мисочку с нарезанным зелёным лучком. И улыбнулась, глядя, как она старательно выкладывала зелёные кружочки на яйца и рисовала ими своеобразный узор.

Я покачала головой и хихикнула, глядя на уплывающие кружочки зелени. Амелия нахмурилась, ведь её творение уходило от замысла художника. Я, не сдерживаясь, рассмеялась, но не забыла завершить и своё творение.

Слив с лапши большую часть бульона, я добавила жгучий соус и сливки для смягчения вкуса. После пары минут тушения в соусе лапша была готова. Мне оставалось только переложить её в глубокую миску и добавить пару ломтиков обжаренной птицы и яиц.

Я обожала это пощипывающее чувство жжения во рту, на языке. Оно не давало расслабиться, заставляло дышать чаще. Заставляло забыть о том, что было незначительным, и о том, что сводило с ума.

– У тебя скоро сессия? – спросила Амелия спустя некоторое время.

– Через пару недель, два экзамена и защита проекта.

Амелия опустила глаза и скривила губы.

– Не расстраивайся! – Я потянулась к её руке через столешницу. – Я приеду как-нибудь на выходных, и мы можем вместе сходить в кафе или парк.

Амелия вскочила со стула и крепко меня обняла.

– Я буду скучать!

Её внезапный порыв немного сбил меня с толку.

– Что-то случилось? – я заглянула ей в глаза, которые наполнились слезами. – Мэл?

Она всхлипнула, но покачала головой и крепко прижалась ко мне. Её обидели? Кто-то в лице или в танцевальной группе? У нас как-то не было принято выпрашивать о подобном, Амелия обычно рассказывала обо всём сама, но...

Тяжёлые шаги отвлекли меня. Обернувшись на звук, я увидела, как Рафаэль идёт на кухню. Амелия тут же вытерла глаза, отстранилась от меня и натянула улыбку. В душу пробралось нехорошее предчувствие.

Я всматривалась в лицо входящего на кухню Рафаэля, пытаюсь распознать по эмоциям на его лице, заметит ли он происходящее и как на это отреагирует. Но Рафаэль не заметил ни моего пристального взгляда, ни растрёпанной дочери. Он целенаправленно шёл к холодильнику и, открыв звенящую бутылками дверцу, крикнул в сторону спальни:

– Лотта! Тебе какое?

В ответ раздалось: «Тёмное!» – на таком фальцете, что меня перекосило. Рафаэль достал из холодильника пару бутылок и, выставив их на стол, полез в кухонные шкафчики, видимо, чтобы найти что-нибудь поесть.

– Роуз! Что ты опять наготовила?! Не могла сделать закусок?

Как же меня бесило, когда он называл меня Роуз...

– Мама просила приготовить ужин, а не закуски для вас. И я приготовила то, что было. Рамен я привезла, у вас же нет продуктов.

Я отвернулась и наткнулась на предупреждающий знак Амелии – она поднесла палец ко рту и словно просила меня молчать.

– Наготовила пойло...

Отчим с грохотом переставил кастрюлю с раменом с плиты и поставил на огонь сковороду, чтобы, очевидно, приготовить что-то жирное и вредное.

Я сглотнула комок в горле. «Я взрослая, мне нечего бояться», – убеждала я себя, но безуспешно. Мужская рука больно впилась в моё плечо, я дёрнулась и чуть не упала. Рафаэль стащил меня с высокого стула и толкнул к плите.

– Пожарь сосиски и гренки! И принеси в спальню, когда будет готово.

Да что происходит?! Он никогда не повышал на меня голос при Амелии.

– Ты поняла меня?

Я кивнула, понимая, что он уже был немного пьян – запах алкоголя из его рта достиг моего носа. Наконец Рафаэль отпустил моё плечо, которое отозвалось тупой болью, и ушёл из кухни.

– Мэл... Что у вас произошло за те три месяца, что меня не было?

Я не узнала свой голос – он осип.

Амелия виновато опустила голову, уткнувшись взглядом в миску супа, которую уже несколько минут просто помешивала ложкой.

– Я... Я проиграла. Поэтому и попросила тебя приехать.

– Что?

– Я проиграла, Мэрс, – её голос звенел от напряжения. – Последний важный конкурс перед чемпионатом. Точнее, я заняла четвёртое место, но кроме диплома это ничего не принесло.

У меня внутри всё оборвалось.

– Ты, наверное, очень расстроилась?

Я подошла к ней, чтобы обнять и утешить, Амелия крепко обняла меня в ответ и тихонько заплакала. До меня медленно доходили её слова.

– Мэл, они хотели что-то купить на твои деньги?

– Мои?... – Амелия грустно, но зло усмехнулась, поднимая на меня взгляд. – Выигранные деньги давно не были «моими», Мэрс.

И тут сестру словно прорвало.

– Мама попросила поставить меня в пару к другому партнёру, чтобы я набиралась опыта. Мы начинали занятия сразу после лица и без перерыва занимались до позднего вечера. Я так устала! У меня испортились оценки, ведь я готовилась к урокам ночью и допускала глупые ошибки. А на занятиях я засыпала. Вчера хоть немного удалось отдохнуть до твоего приезда.

Теперь понятно, зачем она отпросилась к подруге...

– Но зачем она попросила поменять партнёра?

– Да потому что на конкурсе старших платят больше, а группа распределяется по возрасту старшего участника! – она начала рыдать. – Я думаю... что больше не хочу заниматься танцами.

Я застыла, не зная, как её успокоить. На конкурсах старших танцевальных групп призовые места действительно были дороже, но и нагрузка там в разы выше. С новым партнёром за такой короткий срок у неё физически не было времени подготовиться.

На плите начала дымиться сковорода. И под треск масла мы услышали крик сверху:

– Закуски готовы?!

– Иди, иначе будет хуже, – Амелия подтолкнула меня к плите, отцепляя мои руки от себя.

Я была вынуждена заглянуть ей в глаза, потому что должна была узнать:

– Мэл, что значит «будет хуже»? Они... бьют тебя?

– Ой, что ты! Нет-нет! – она вытерла глаза рукавом и слабо улыбнулась. – Просто... часто кричат.

Нехорошее предчувствие стиснуло сердце, и я так же сильно стиснула сестру в объятиях.

– Я попробую поговорить с мамой, – пообещала я.

Быстро приготовив гренки и сосиски, я понесла их в спальню, надеясь урвать хотя бы минуту, чтобы поговорить с матерью о происходящем. Зайдя в комнату, я закашлялась от едкого дыма, витавшего вокруг.

– Поставь на столик! – рявкнула мать. – И закрой за собой дверь.

Они с Рафаэлем развалились на постели, его голова лежала у неё на коленях. В пепельнице на столике дымилась непотушенная сигарета, а запах в комнате был совсем невыносимым.

– Мам... – позвала я её, ставя на столик поднос с закусками.

Она с трудом сфокусировала на мне взгляд. Но я должна была хотя бы попытаться.

– Мы можем поговорить?

– Закрой рот и иди вон! Дайте нам отдохнуть!

Мне ничего не оставалось, кроме как поскорее убраться оттуда. Попытаю счастья завтра, когда оба проснутся.

Вернувшись на кухню, я обнаружила, что Амелия уже закончила ужин и ушла. Кухня опустела. После уборки сил не осталось. Я успела быстро принять душ и лечь спать.

Хорошо, что завтра у Мэл выходной и мы сможем провести время вместе, пока я не погружусь в проектную работу.

Я вздрогнула и проснулась от странного шума. Темнота в комнате была густой и вязкой, словно поглощала всё вокруг. В дверном проёме стояла фигура, и моё сердце сжалось от страха. Пока глаза привыкали ко мраку, силуэт становился всё чётче – слишком высокий, слишком знакомый.

Рафаэль.

Я едва успела увернуться от его рук.

– Куда же ты, детка?

От запаха алкоголя меня затошнило. Я отползла к стене и прижалась к ней спиной. Рафаэль улыбнулся криво и забрался на матрас. Я загнала себя в угол, а он приближался, и воздух в комнате становился всё тяжелее.

Я схватила подушку и выставила её перед собой как щит. Это выглядело глупо и отчаянно, но мысль была одна: если он схватит подушку, а не меня, у меня будет несколько секунд.

Рафаэль усмехнулся. Его движения были медленными, ленивыми, словно он знал, что спешить некуда.

– Боишься?

Он потянулся ко мне, и я не стала ждать. Бросилась вперёд и изо всех сил навалилась, пытаюсь толкнуть его с кровати. Рафаэль пошатнулся, и на мгновение мне показалось, что я победила.

Но потом я увидела его глаза – мутные от алкоголя, но всё ещё осознанные.

Он оскалился, одной рукой схватил подушку, а другой – меня за локоть. Боль вспыхнула мгновенно. Резкий рывок – и я упала на него сверху. Из груди вырвался испуганный крик, когда его ладонь впилась в моё бедро.

Нет.

Нет.

Нет.

Я начала вырываться, но он уже стягивал мои брюки. Воздух застрял в горле. Его пальцы царапали кожу, а другой рукой он прижимал меня за поясницу к себе. Слишком близко. Слишком крепко.

Я дёрнулась, но только сильнее запуталась в собственных ногах и сбившемся одеяле. Паника накрыла меня с головой.

Перед глазами вспыхнуло красное – сначала тонкой полосой, потом всё шире и шире. Как будто где-то рядом был пожар. Как будто весь мир медленно тонул в багровом зареве.

Глотая ртом воздух, я проснулась в удушающем ворохе одеяла и простыни, которые обмотались вокруг тела. Освободившись из кокона, я села на кровати, ощущая, как остывают

капли пота на шее, а потом быстро выбралась из постели. Переодевшись и накинув пальто, я тихо вышла из дома.

Морозный ночной воздух разогнал остатки кошмара, который когда-то был наяву, а теперь преследовал меня во снах.

Я вышла к каналу и пошла вдоль него. Вода была неподвижна и под светом фонарей отражала фасады старых кирпичных домов так чётко, будто под ногами открылась ещё одна улица. Холод пробирал до костей.

Дорога привела меня в городской парк, где высокие деревья укрывали от холода. Вскоре я оказалась у замёрзшего пруда. Он был мне хорошо знаком. Его тишина и мрак всегда успокаивали меня, когда я хотела побыть в одиночестве. Я сбегала сюда даже в детстве...

Погруженная в свои мысли, я вдруг ощутила, что почва ушла из-под ног, и услышала хруст. Я сделала шаг, потом ещё один и поняла, что в темноте не заметила, как вышла на лёд.

На берегу раздался странный звук. Сердце замерло. Послышалось негромкое рычание. Я вглядывалась в темноту, пытаюсь что-то разглядеть. Внутри что-то оборвалось, когда между оголённых ветвей проступили тяжёлые очертания – голова, плечи, крупное человеческое тело. На выдохе я медленно поднялась, чувствуя под ногами скользкую, хрупкую поверхность.

Стоило мне сделать шаг назад по тонкому льду, как с берега раздался отчётливый хруст веток и следом – рык. Сквозь переплетение сучьев в темноте вспыхнули два огонька, горевшие, как угли. Они сработали как стартер для забега.

Добежав до освещённой улицы, я наконец смогла дышать. Сгибаясь, я оперлась на колени, чтобы вдохнуть воздух в саднящее горло. Нужно вернуться домой. Завтра созвонюсь с папой, попрошусь к нему на каникулы. Пусть папа живет далеко от университета, лучше я поживу у него.

За оставшуюся часть ночи мне удалось уснуть не больше, чем на пару часов. Поэтому я просто сдалась и решила продолжить работу над проектом. Включив любимую музыку, я попыталась с головой погрузиться в привычную рутину.

На экране ноутбука открылась очередная статья по теме «Методы лечения заболеваний органов дыхательной системы», и я тяжело вздохнула. Далеко не все медицинские направления меня интересовали, и эта тема не отличалась оригинальностью. Но кто спрашивал студентов о том, что им интересно? Если бы мне позволили выбрать самой, я бы вряд ли вообще оказалась на этом факультете.

Пальцы застыли над клавиатурой, а взгляд бессмысленно скользил по строчкам статьи. Я снова вернулась мыслями к тёмному берегу, хрусту льда под ногами, этим глазам в темноте.

Почему я вообще побежала? Я ведь бросилась бежать раньше, чем успела что-либо разглядеть, раньше, чем существо приблизилось, раньше, чем мне начала угрожать реальная опасность.

Нахмурившись, я сняла наушники и откинулась на спинку стула. Может быть, дело было вовсе не в нём?

Память тут же подбросила совсем другие ощущения: тяжёлое дыхание с запахом перегара, чужие руки, невозможность пошевелиться, панический ужас, от которого внутри всё сжималось в тугую узел.

Нет. Не хочу сейчас об этом думать.

Я подошла к окну, чтобы отвлечься. На улице постепенно занимался рассвет. Я смотрела, как у трамвайной остановки собираются люди. Кто-то просто выгуливал собаку, кто-то пил кофе на ходу. Всё выглядело совершенно нормально. И всё же внутри оставалось неприятное ощущение неправильности. Будто опасность была настоящей, даже если я до сих пор не могла объяснить почему.

Вернувшись к ноутбуку, я всё-таки заставила себя закончить свою часть работы. К десяти утра нужные разделы были готовы. Я решила не писать в групповой чат, чтобы ещё раз всё

перепроверить и отправить позже. Профессор уже видел мой план и одобрил его, мы успеем подготовиться к слушанию, так что серьёзных проблем не предвидится.

Я сидела в комнате, пока за дверью не раздался голос проснувшейся сестры. Амелия ворвалась задорным вихрем и запрыгнула на кровать.

– Мэрс! А мы пойдём гулять с твоим папой? Ты обещала!

– И тебе доброе утро! Хочешь, я напишу ему, спрошу? – улыбаясь, спросила я.

– Хочу! Напиши папе, что я хочу в тот дорогуший ресторанчик, где мы были в прошлый раз.

Всё тем же задорным вихрем Амелия унеслась из комнаты, и очевидно убежала на кухню. Папа и правда водил нас в дорогой ресторан в прошлый раз. Ризотто там было незабываемым, но обед на троих стоил около ста евро. И хотя я бы прекрасно обошлась вафлями с шоколадом или мороженым, Амелия уговорила папу на поход в довольно раскрученное место. А он согласился, ведь мы редко виделись из-за его проблем со здоровьем.

Собравшись с мыслями, я взяла телефон и увидела несколько сообщений. Папа просил не беспокоить его до вечера, а в конце, как всегда, прислал сердечко.

«До связи, дочка ♥».

Я не могла отделаться от тревожных мыслей. Папа наотрез отказывался принимать мою помощь, считая, что мне необходимо успешно сдать экзамены, а не присматривать за «больным стариком». Но последний раз я разговаривала с ним по телефону месяц назад, а потом была занята подготовкой к сессии, и нам не удавалось встретиться.

Что ж, придётся разочаровать Амелию, но я в какой-то мере была рада, ведь папе такая поездка далась бы тяжело.

Одевшись максимально закрыто – в светлую тунику с высоким воротом, длинным рукавом и тёмные брюки, – я спустилась на кухню и увидела всю семью в сборе.

Некоторое время я наблюдала за ними из-за стены. Пыталась увидеть в них дружную, весёлую компанию, но никак не получалось. Амелия молча поглощала блины с джемом, Рафаэль опохмелялся, опираясь локтями на барную стойку, а мама поджаривала яйца.

Тишину кухни я не нарушила. Просто зашла и села рядом с Амелией, тихо сказав ей на ухо, что с папой встретиться не получится.

– Понятно.

Я услышала разочарование в её голосе, но уже в следующий момент она повернулась к матери.

– Мам, я тогда пойду с подружками гулять.

Я почувствовала укол разочарования, ведь так хотела провести с ней время перед отъездом. Но и с папой пока что не получилось связаться...

Мать не сразу ответила на вопрос Амелии. Только сделав глоток пива, она повернулась к нам.

– Мы сейчас уходим, – она кивнула в мою сторону. – Мари присмотрит за тобой.

– За мной не нужно присматривать, я уже взрослая.

Мать повысила голос:

– Взрослая, как же! Почему тогда твоя учительница опять звонила? Просто скажи ей, что ты устаёшь после тренировок, в чём проблема?

Амелия втянула голову в плечи, а мать так резко поставила бутылку на стол, что пиво вспенилось и вытекло через горлышко.

– Чёрт! Делай, что хочешь. Но спрошу я с тебя, Мари-Роуз!

Желание есть пропало. Я уныло кивнула и ответила:

– Хорошо. Но, возможно, мне придётся уехать к папе.

– Ты же обещала, что уедешь через несколько дней?! – недовольно воскликнула Амелия.

– Почему так быстро уезжаешь? Мы по тебе соскучились.

Бросив взгляд на отчима, на губах которого проступила похабная ухмылка, я замерла.
«Мы»?

– Выросла, а толку ноль, – встряла мама. – Хоть бы помогла по дому. Я не справляюсь со всеми делами.

– Папа попросил приехать пораньше, и мне нужно готовиться к экзаменам.

– Всегда у тебя отговорки, а на нас тебе плевать, да? – мама покачала головой и сделала ещё глоток пива. – Зато, когда тебе нужны были лекарства от аллергии, почему-то не отец по аптекам бегал. И когда ты болела, тоже не отец сидел с тобой по ночам.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Всё было так.

– Тогда я буду гулять допоздна, езжай куда хочешь! – обиженно сказала Амелия и отвернулась от меня.

Я молча взяла булочку, стакан сока и быстро ушла в свою комнату, где заперлась. Примерно через полчаса в доме стихли все звуки. И я поняла, что наконец-то перестала затаивать дыхание, прислушиваясь к гомону внизу.

Прошло больше четырёх часов, хотя мне казалось, что прошло только около часа. Я решила позвонить Амелии. Обида от нашего утреннего разговора постепенно утихла. Нужно было узнать, где сестра, чтобы у мамы потом не было повода для нового конфликта. Да и мне пора было начать собираться и созвониться с папой, чтобы предупредить о своём приезде.

Вот только на звонок ответила не Амелия. В трубке раздался чужой голос. Я едва разобрала слова, паника проникла и в меня, вызывая липкий, тягостный страх, который сжал сердце. По отдельным словам я поняла, что с Амелией что-то случилось, и девочки не могут привести её в сознание.

Уже на полпути к машине я бросилась обратно к двери, чтобы запереть дом. Ключ дрожал в руках, не попадал в замок. В итоге я всё же оказалась в машине, которая завелась не с первого раза.

Пока я выезжала на главную дорогу, на телефон пришло уведомление с геолокацией злополучного парка, в котором я была вчера ночью. Он находился не так далеко, и это придало надежду, что с Амелией в итоге всё будет хорошо, ведь девочки уже вызвали скорую.

К парку я подъехала со стороны старого главного входа, где меня встретили покорёженные распахнутые ворота. Выскочив из машины, я увидела свежие следы множества ног и сориентировалась по ним. Вскоре я заметила очертания здания сквозь листву голых деревьев. На полуразрушенной каменной лестнице стояла одна из подруг Амелии. Хотя я знала её, имя сейчас ускользало из памяти. Я с тревогой посмотрела на здание с проломленной крышей, выбитыми окнами и граффити в виде черепов на уцелевших стенах.

Что они здесь делали?

– Почему ты раздетая?!

Звонкий голос вывел меня из ступора.

– Где Мэл?

– Внутри, она... Она провалилась в дыру на втором этаже, – девушка всхлипнула.

Когда мы, спотыкаясь об обломки и ветки, пробирались внутрь здания, я видела широкие трещины на стенах и зловещие провалы в середине лестниц и кое-где на потолке.

Вместо ожидаемых плача или голосов других девочек меня окружила тишина. Каждый следующий шаг давался мне с трудом. Только благодаря подружке Мэл я могла двигаться дальше – она терпеливо тянула меня в один из коридоров.

Когда она остановилась, я тоже замерла, но вскоре взяла себя в руки и прошла вперёд.

Ни одно из моих прежних занятий в медицинском вузе не подготовило меня к тому, что предстало перед глазами. В просвете между широкими бетонными колоннами боком ко мне

неподвижно лежала Амелия. Среди тёмной одежды и светлых волос сразу бросались в глаза два ярких пятна: алая кровь, которая медленно стекала к собравшимся возле неё девочкам, и белая кость, выступавшая из ноги ниже колена.

Я заставила себя подойти ближе. Руки и ноги свело от холода, в ушах зазвенело от плача девочек за спиной, от сдерживаемых внутри слёз. Я не могла вздохнуть. Я хотела прикоснуться к Амелии, убедиться, что она ещё жива, и протянула в её сторону руки...

Следы крови замелькали широкими акварельными мазками. Я всхлипнула, оглядываясь вокруг, и тут же почувствовала, как закружилась голова. В глазах потемнело.

Я очнулась от резкого запаха аммиака и попыталась встать, но потеряла равновесие. Кто-то поддержал меня и помог сесть. На плечах что-то зашуршало, привлекая моё внимание. Когда я поняла, что на мне было тёплое одеяло, я закуталась в него и заметила весёленькую расцветку шерстяных носков, которые заботливо надели на мои босые ноги.

– Не торопитесь. Вы упали в обморок. Как себя чувствуете?

– Где моя сестра? – спросила я шепотом, закашлявшись.

Девушка, видимо это была медсестра, протянула мне бутылку воды, и я сделала несколько глотков.

– Сестра? – переспросила она, когда я вернула воду.

– Девушка с переломом, – пояснила я и снова попыталась встать на ватные ноги.

Медсестра настойчиво усадила меня обратно.

– Вашей сестре оказывают помощь. Она без сознания, открытый перелом голени и потеря большого количества крови, но она пока жива. Вас обеих сейчас доставим...

– Пока?! Что значит «пока»?

Теперь, уже наплевав на слабость, я вырвалась, скинула с себя одеяло и выпрыгнула в приоткрытую заднюю дверь.

– Стой! – донёсся мне вслед голос медсестры.

Из здания на носилках выносили Амелию. Я замерла на месте. Холод сковывал грудь, и я обняла себя, пытаясь согреться. Процессия медленно двигалась мимо меня, а я не могла оторвать взгляда. Ноги словно приросли к земле.

Из дверей вышли подруги Амелии и фельдшер скорой помощи. Мой взгляд невольно остановился на нём.

– Кто её родственница?

– Я. Я её сестра.

– Поедете с нами в больницу Джесса. Не забудьте позвонить родителям. С остальными всё в порядке, они могут идти домой.

Дозвониться маме я не смогла. От сильной дрожи несколько раз роняла телефон, пока медсестра не сжалилась надо мной и не позвонила ей сама, довольно сухо сообщив основную информацию.

После этого мой телефон благополучно мигнул экраном и погас. Я крутила его в руках, лишь бы занять их, пока мы ехали в сторону больницы.

Когда мы вышли из машины скорой помощи, меня тут же поглотил гвалт людских голосов.

– Где Амелия?

– Вашу сестру отвезли в отделение неотложной помощи. Пока не приехали ваши родители, мне нужно оформить все документы. Идите, пожалуйста, за мной.

Мы зашли в больницу. Вокруг было множество людей. У меня округлились глаза, когда я увидела толпу, которая то плакала, то выла с разных концов зала.

Что здесь происходит?

Над стойкой регистрации громко пищали электронные табло. Строки на экранах сменяли друг друга, и знакомые французские слова сразу уступали место голландской версии. Я машинально вчитывалась в поток слов, пока медсестра не окликнула меня, заметив, что я так и осталась стоять на месте.

Мы шли по коридорам, и я сразу потеряла ориентиры. Запоминать дорогу не получалось. После очередного лифта я окончательно перестала понимать, в какой части больницы мы находились. Людей вокруг становилось всё меньше, пропадали очереди у кабинетов. Оставались только одинаково светлые коридоры, закрытые двери и редкие сотрудники в медицинской форме. Здесь было тише. Настолько, что звук наших шагов казался неуместно громким.

Наконец медсестра свернула в очередной коридор и остановилась у двери с небольшим стеклянным окошком. Она открыла её и жестом пригласила меня внутрь.

– Пока мы ждём ваших родных, вам стоит умыться, – она кивнула на вторую дверь в кабинете.

– Хорошо, – тихо ответила я, боясь нарушить покой этого места, и зашла в небольшое помещение, где увидела туалет и раковину.

Зеркало показало мне какую-то незнакомку: половина лица была измазана подсохшей кровью, волосы всклокочены, глаза казались круглыми и чёрными на фоне побледневшего лица. Даже веснушки выцвели. От вида этого существа руки покрылись мурашками.

На мне не было ничего чистого. Носки были мокрыми и грязными, домашние брюки до колена пропитались кровью, на рукавах кофты тоже смешались кровь и листва.

В очередной раз собравшись с силами, я тщательно умылась, а пальцами кое-как распутала волосы и пригладила их. Водой из-под крана прополоскала рот, сплюнула загустевшую слюну. Ещё несколько раз тщательно умылась, чтобы скрыть текущие слёзы. От самой себя. Нужно держаться.

Спустя несколько минут я вышла из туалета и увидела довольный взгляд медсестры.

– Переоденьтесь, пожалуйста, – она кивком головы указала на больничную одежду и обувь, сложенные на стуле.

Насколько было возможно, я промыла руки и ноги и, быстро переодевшись, вышла обратно.

– Я сейчас задам вам пару вопросов, хорошо?

Я кивнула. Медсестра бегло просмотрела бланки, лежавшие перед ней.

– Фамилия, имя, дата рождения вашей сестры?

Я ответила, стараясь не запнуться.

– С кем она живёт?

Я растерялась из-за вопроса.

– Что вы имеете в виду? С мамой и своим отцом.

Медсестра кивнула.

– Поймите, если несовершеннолетний подросток получил тяжёлые травмы, мне необходимо выяснить возможные причины, – пояснила она. – В семье всё благополучно?

– Конечно. Почему вы спрашиваете? – я начала нетерпеливо постукивать ногой по полу, не понимая, почему мне задают такие вопросы.

Медсестра перевела взгляд на меня.

– Теперь перейдём к вопросам, касающимся вас. Есть ли у вас хронические заболевания? Аллергии на лекарства, пищу?

– На цитрусы аллергия... Хронических болезней нет, – голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

Зачем ей информация про меня?

– Принимаете ли вы сейчас какие-либо препараты?

Я отрицательно покачала головой.

– Были ли операции, серьёзные травмы?

На секунду я зависла.

– Нет.

Она коротко кивнула и перевернула страницу.

– Курение, алкоголь, иные вещества?

– Нет.

Ручка продолжила быстро скользить по бумаге.

– Группа крови вам известна?

Я нахмурилась, и, хотя этот вопрос обычно не вызывал затруднений, сейчас в голове было пусто.

– Не помню.

Медсестра отложила бланк и посмотрела на меня.

– Ничего страшного. Скажите, где вы учитесь, мы проверим вашу карту здоровья.

Я ответила и наконец поинтересовалась, зачем всё это.

– В связи с состоянием вашей сестры ей может потребоваться переливание крови. Запасы крови сейчас ограничены, поэтому мы проверяем совместимость среди близких родственников в первую очередь.

Слова дошли не сразу.

– Мне... нужно будет сдать кровь?

– Да, если вы подойдёте как донор, это может значительно ускорить проведение операции.

В груди что-то сжалось.

– Конечно... – выдохнула я, не раздумывая. – Я сдам.

Теперь у меня была цель – помочь Амелии. Медсестра кивнула, словно предвидела мой ответ, и сделала пометку в бланке.

– После того как приедут ваши родные, я провожу вас в процедурную. А пока идите за мной, отведу вас в зал ожидания, вы сможете там подождать родных. Если что, рядом есть кафетерий. Вам бы перекусить – вы слишком бледная.

На этих словах мой живот издал урчащий звук.

– Я, наверное, просто подожду маму, спасибо. У меня в любом случае нет с собой денег.

Медсестра мягко улыбнулась и кивнула, будто задумалась о чём-то своём.

Позже я поняла почему: она отвела меня в кафетерий, купила чай и сэндвич. Я решила потом вернуть ей деньги.

– У вас на лице всё написано, – усмехнулась она в ответ на мои слова благодарности.

– Вам не обязательно возвращать мне деньги. Считайте это вложением в спокойствие меня и всех окружающих. Вы такая бледная, как будто вот-вот упадёте в обморок и доставите всем хлопот. Садитесь и ешьте. Далеко не уходите, как будет готов результат, я буду искать вас здесь или в зале ожидания.

– Конечно.

Она кивнула в ответ и ушла. Сэндвич исчез за пару укусов. А сладкий чай успокоил ободранное горло. Я не хотела... Старалась не вспоминать свой крик там... Но память не была услужлива в этот раз.

Сложно было сказать, сколько прошло времени с тех пор, как был допит чай, но, казалось, потянулись часы. Я уже давно переместилась в зал ожидания, где сидела на жёстком металлическом стуле. Мне оставалось только рассматривать проходивших мимо людей. Вот медленно шла пожилая пара. Мужчина толкал ходунки, а женщина держала его под локоть. Они о чём-то негромко разговаривали, и до меня долетали отдельные слова. Женщина время от времени поправляла на шее яркий шёлковый платок, а мужчина терпеливо кивал.

Следом за ними везли девочку в инвалидной коляске. Она так увлечённо играла с большим плюшевым зайцем, что я на секунду забыла, где нахожусь. Молодая медсестра рядом с ней что-то сказала, и девочка тут же начала смеяться, прижимая игрушку к груди.

– Безответственная! Дрянь!

Вопли знакомым голосом разнеслись по коридору, заставив меня вздрогнуть. Мама полетела ко мне и занесла руку для удара. Я не успела увернуться. Щека загорелась от пощёчины. Сдерживаемые до этого слёзы прорвали плотину, и я быстро вытерла их рукавом.

– Где! Ты! Была?!

Внутри всё замерло, укутавшись коконом жгучей обиды. Напротив меня были глаза постороннего человека. Как будто мы не родственники, а незнакомцы, которым тошно находиться рядом друг с другом.

– Мам... – голос дрожал, мысли путались.

– Она пострадала по твоей вине!

Образовавшийся внутри кокон начал кровоточить. Я всхлипнула и отшатнулась, как от ещё одной пощёчины, а затем заставила свои ноги вынести меня на улицу, чтобы просто глотнуть воздуха. Острые жала продолжали кромсать кокон, пока он не порвался и, забивая лёгкие, не дал мне вздохнуть полной грудью. Я рухнула на лавочку у больницы и вцепилась в её край дрожащими пальцами. Холодный ветер пробирал до мурашек, кусал руки. Не хотелось и не было сил двигаться. Я обхватила голову руками и замерла.

Лишь когда зубы начали стучать от холода, я постепенно возвращалась в настоящее – шумели машины за больничной территорией, порывы ветра гнали мороз по уже окоченевшим рукам и ногам.

Я с трудом поднялась и обняла себя руками, вспомнив, что медсестра должна была меня искать. Совсем рядом я слышала чей-то голос, но отреагировала на него только тогда, когда меня дёрнули за локоть.

– Роуз! Хватит витать в облаках! – Рафаэль больно стиснул мой локоть. – Шевелись, будешь донором для Амелии. Наша кровь не подходит.

Я сглотнула, в ушах начало шуметь.

Рафаэль потянул меня за собой. Я быстро выкрутилась из захвата, чтобы не прикасаться к нему, но послушно пошла следом.

– Почему?

Рафаэль резко затормозил и развернулся ко мне. Я чуть не врезалась в него, но вовремя остановилась и сделала шаг назад, заметив, с какой яростью он смотрел на меня.

– Ещё один вопрос, и я не посмотрю на то, что здесь много людей!

Он буквально шипел, чтобы его не услышали окружающие. Я опустила голову, скрывая головокружение и тошноту. Рафаэль снова взял меня за руку и потащил дальше по коридорам. Он втолкнул меня в кабинет медсестры, где стояла раздражённая мать.

Первой заговорила медсестра:

– Мадемуазель Бошен, останьтесь, пожалуйста, я отведу вас в процедурную. А вы, – она одарила маму и отчима довольно презрительным взглядом, – можете подождать в коридоре. С момента алкогольного опьянения должно пройти больше двух суток.

Недовольные нотки и холодность скользнули в голосе медсестры, и это немного обрадовало меня. Медсестра казалась той, кому можно довериться. Она ответственно относилась к своей работе.

Ведь мама и отчим правда пили и вчера, и сегодня утром.

Пока медсестра доставала что-то из тумбочки, мама и отчим, раздражённо перешёптываясь, покинули кабинет.

– Позволь помочь.

Я отшатнулась, но потом поняла, что медсестра держит мазь.

– Всё в порядке, это охлаждающий гель. Для вашей щеки.

Я кивнула и позволила обработать горящую щеку.

Когда мы вышли за дверь, мамы и Рафаэля там уже не было. Я последовала за медсестрой по коридору.

В процедурном кабинете нас ждали удобные кресла и другая медсестра. Она уже была в возрасте, её лицо наполовину скрывала медицинская маска, но её улыбчивых глаз хватило, чтобы я перестала нервно сжимать кулаки.

– Мадам Роу, мы на донорство для девушки, поступившей по экстренной. Здесь вся информация и назначение.

Убедившись, что всё было в порядке, медсестра кивнула мне на одно из кресел. Я хотела попрощаться и поблагодарить молодую медсестру, но услышала:

– Мне пора идти, но я думаю, мы ещё увидимся. Ты можешь звать меня Эн, договорились? Если что – меня всегда можно найти в кабинете сто одиннадцать на первом этаже.

– Спасибо. Я признательна за твою помощь. И тогда ты тоже зови меня по имени. – Я слабо улыбнулась и увидела, как Эн просияла в ответ.

Пока мне накладывали жгут и обрабатывали кожу выше локтя, я поймала себя на мысли, что хотела бы быть младшей сестрой. А нести бремя ответственности в качестве старшей мне, похоже, было не по силам.

Я снова начала нервничать, кусала губы. Я никогда раньше не сдавала кровь и, даже зная теорию, не представляла, что нужно делать. Видимо, медсестра заметила моё состояние, поскольку задала вопрос:

– Вам рассказали, как проходит процедура?

Я покачала головой в ответ.

– Я учусь на медицинском, но никогда не сдавала кровь сама.

– Тогда я расскажу, это поможет вам успокоиться, что немаловажно для процедуры. Вашей сестре для проведения операции нужны эритроциты. Вся процедура длится не дольше тридцати минут. В этот аппарат, – она указала на прибор с кучей трубок и кнопок рядом с креслом, – будет поступать кровь. Аппарат разделит её на компоненты и извлечёт эритроциты, а затем очищенную кровь вернёт обратно. Все инструменты у нас одноразовые, я вскрываю их при вас, чтобы исключить риск инфицирования.

Она сделала паузу, ожидая моей реакции.

– Хорошо, я поняла.

– Если вы почувствуете себя плохо: закружится голова или потемнеет в глазах, сразу сообщите. Мы остановим процедуру.

На этих словах я решила держаться до последнего, чтобы не прерывать процесс.

– В течение суток после процедуры нужно будет сократить физические упражнения и как можно больше пить и полноценно питаться. Первые полчаса-час после донации мы понаблюдаем за вашим состоянием.

Я кивнула. Устроившись в кресле полулёжа, я наблюдала за размеренными движениями медсестры, а вскоре – за тем, как по системе трубок перекачивалась моя кровь. Этот процесс странным образом убаюкивал. Медсестра включила радио, из которого донеслась приятная мелодия без слов. И я словно погрузилась в небольшой транс на всё время процедуры.

Когда процедура закончится, я обязательно поговорю с мамой. Но это будет не просто разговор. Я хочу, чтобы что-то изменилось. Хочу стать для Амелии настоящей старшей сестрой – той, к кому можно прийти с любой проблемой, на кого можно положиться.

Только бы операция прошла успешно.

Пожалуйста.

Перед глазами мелькнула Амелия в танцевальном классе. Как же она любила танцевать! Нет. Не любила, а любит. С ней всё будет хорошо. Переломы срастаются, люди поправляются. Она снова будет танцевать. Обязательно будет.

Я ей помогу. Буду возить на занятия, если понадобится. Делать уроки вместе. Смотреть фильмы, когда ей нельзя будет выходить из дома. Всё, что угодно.

Только бы она поправилась.

Сколько времени обычно требуется для восстановления после таких травм?

Я достала из кармана разрядившийся телефон.

– Извините, а у вас можно зарядить телефон?

С его помощью я могла бы найти информацию о подобных травмах в интернете, хотя бы какие-то сведения.

– Сейчас посмотрю, может, есть подходящий кабель.

Медсестра взяла мой телефон и проверила свой адаптер, но покачала головой. Через некоторое время раздумий она встала и сказала:

– Сейчас схожу к Эн, мне кажется, у неё похожий телефон.

Я осталась ждать в надежде, что телефон получится зарядить.

Где сейчас мама? Ждёт начала операции? Удалось ли уже узнать что-то про состояние Амелии?.. Она ведь расскажет мне потом, да? Может, ей удалось узнать от подруг Амелии, что они делали в том парке? Как Мэл оказалась на втором этаже? Зачем полезла туда...

Ни на один из вопросов не было ответов. В голове начал раздуваться клубок мыслей, заполняя всё пространство. Если бы я позвонила ей раньше... Этого не случилось бы. Нужно было позвонить Амелии раньше. Я так увлеклась, что всё остальное вылетело из головы.

«Мама не со зла...»

Я провела рукой по щеке, ощутив едва заметную боль, но отдернула руку, когда вернулась мадам Роу. Она все-таки нашла кабель и поставила мой телефон на зарядку.

Вскоре процедура подошла к концу. Когда вынули иглу, я увидела капельку крови – всего лишь бусинку. И, казалось бы, быстро наложенная повязка тут же её спрятала, но стоило мне встать с кресла – неожиданно ослабли колени.

Мадам Роу удержала меня и усадила обратно.

– Плохо? Почему раньше не сказали, я же...

– Всё было нормально, – я зажмурилась, отгоняя видимых мошек перед глазами.

– Нормально, как же... Бледная как моль. Вы что-нибудь ели перед процедурой?

– Да, Эн купила мне сэндвич и чай.

Мадам Роу нахмурилась.

– А на завтрак?

Я почувствовала, как меня мутило при разговоре про еду, поэтому проигнорировала вопрос.

– Когда сестре сделают операцию?

– Ох... – она обеспокоенно покачала головой. – Посидите немного, я воды принесу.

Я уже плохо слышала её слова. Стоило ей отойти, как я почувствовала, что вот-вот упаду в обморок. Словно сейчас с шорохом опустится бархатный занавес...

Первое, что я почувствовала, когда открыла глаза, – мышцы были расслаблены настолько сильно, что я не могла пошевелиться.

Жарко. Хотелось пить.

Где я?

Я попыталась оглядеться, но даже когда мне удалось немного повернуть голову, перед глазами встала золотая патока. Я еле-еле подняла руку, и она тоже была покрыта золотом.

Блестела красиво, вспыхивала то тут, то там. Рука упала, и я краем сознания отметила, что у меня, скорее всего, галлюцинации.

В следующий раз пробуждение прошло легче. Я уже заметила новые подробности окружения: в окно светили фонари – видимо, солнце уже скрылось. В палате рядом с постелью стояли кресло и тумбочка, на которой лежал мой телефон. Сбоку находилась стойка с подвешенным пакетом, от которого шла трубка с прозрачной жидкостью, заканчивающаяся катетером в сгибе локтя.

Когда открылась дверь, я повернула голову и увидела, как вошла незнакомая медсестра с подносом, на котором стояли пара упаковок еды и бутылка воды. Она заметила, что я очнулась, и её глаза загорелись.

– Пришли в себя? Пока не старайтесь встать, – сказала она, заметив, как я безуспешно пыталась опереться на локти.

Она поставила поднос на столик и подошла проверить капельницу.

– Подождите, пока капельница закончится, и можно будет попробовать есть. Ещё минут двадцать.

– Пить, – всё, что мне удалось выговорить сухим ртом.

– Конечно, минуточку.

Медсестра вскрыла бутылку и достала трубочку, чтобы пить было легче. В горло словно потёк райский нектар, у меня даже глаза закатились от удовольствия. Теперь я могла говорить.

– Уже вечер? Вы знаете, как там моя сестра?

Медсестра ненадолго задумалась, но ответила:

– Операция, насколько я знаю, закончилась. Но, если хотите, могу узнать в отделении, как всё прошло. И сейчас не вечер, уже утро.

Я осознала сказанное лишь через пару секунд.

Утро?

– А где моя мама?

Медсестра покачала головой.

– Никого, кроме докторов, не видела у вашей палаты, и на посту о вас не спрашивали.

Я поджала дрожащие губы.

– Я принесла для вас немного еды. После донорства обязательно нужно поесть. Хотите?

Я молча покачала головой и, отвернувшись, уставилась в окно, где уже пробивались первые солнечные лучи.

– Я зайду чуть позже. Но вам нужно поесть, когда будет достаточно сил.

Медсестра не стала дожидаться моей реакции и тихо ушла.

Как только за ней закрылась дверь, я наконец позволила себе заплакать. Нет. Не раскисай. Сначала нужно узнать хоть что-нибудь об Амелии. Столько времени прошло.

Слёзы постепенно прекратились сами собой. Вероятно, усталость взяла верх, потому что, когда я снова открыла глаза, в палате снова была медсестра. Она аккуратно вынула иглу из моей вены и помогла мне сесть.

Я согласилась поесть. Лёгкий пюреобразный суп оказался именно тем, что сейчас было нужно моему горлу. Тёплый, безвкусный, но от него стало немного легче. Пока я ела, медсестра оставила меня одну. В палате было тихо, и я вдруг поняла, что совершенно не представляю, что делать дальше. Суп быстро закончился, тепло растеклось по телу, веки стали тяжёлыми. Я собиралась лишь ненадолго прикрыть глаза, но сама не заметила, как снова провалилась в сон в том же положении, в котором сидела.

Проснувшись я от скрипа двери и быстрых шагов. Несколько секунд не могла понять, где нахожусь. Потом перед глазами мелькнул вихрь светлых волос, и в следующую секунду меня крепко обняли.

– Эн...

– Мари! Я так испугалась, когда мадам Роу сказала, что ты отключилась. Как ты себя чувствуешь?

– Сейчас уже лучше, – искренне улыбнулась я.

От её появления внутри стало неожиданно спокойно. Странное чувство, словно мы были знакомы гораздо дольше, чем есть на самом деле, и какая-то часть меня уже давно успела к этому привыкнуть.

– Как мне узнать что-то про сестру? Ей ведь сделали операцию?

Эн коротко кивнула.

– Да, операцию провёл опытный хирург. Всё прошло по плану.

– Могу я с ним поговорить? Я ничего не знаю...

– До сих пор? А твоя мама не рассказала тебе?

– Я её не видела с тех пор, как... – я немного запнулась, – с тех пор как мы ушли сдавать кровь.

– Понятно. Тогда давай я отведу тебя к её лечащему доктору, он всё расскажет.

Я кивнула. Странно ли, что незнакомый человек стал для меня чем-то вроде опоры? Словно густая ветвь старой ели, под которой можно было укрыться и на время расслабиться.

– Пришли, – сказала Эн, когда мы подошли к кабинету.

Я кивнула и постаралась запомнить имя на табличке, но буквы расплывались. Эн открыла дверь.

– Доктор Лемер, мы пришли узнать о состоянии пациентки Ван де Брук. Это её сестра, мадемуазель Бошен.

В кабинете слышался только приглушённый шум компьютера и скрип ручки по бумаге. Доктор не сразу поднял взгляд – сначала закончил запись и только потом посмотрел на нас.

– Садитесь.

Эн мягко потянула меня к дивану, и я села, стараясь не выпускать её руку.

– Ваша сестра находится в стабильно тяжёлом состоянии, – начал доктор. – С учётом характера травм этого следовало ожидать. Мы провели открытую репозицию и внутреннюю фиксацию перелома. Это стандартная процедура при подобных повреждениях, необходимая для восстановления анатомической целостности кости.

Я пыталась сосредоточиться на его словах, но взгляд невольно скользил по кабинету. Всё было аккуратно, упорядоченно: светлая мебель, документы, разложенные по местам, на стенах – дипломы и сертификаты. Ничего лишнего.

Когда в кабинете воцарилась тишина, я поняла, что у меня что-то спросили. По вопро-сительному взгляду доктора Лемера было ясно, что я отвлеклась. Эн подсказала мне:

– Доктор Лемер спрашивает, были ли раньше у твоей сестры подобные травмы.

– Нет, – быстро ответила я и больше не отвлекалась.

– В дальнейшем потребуется длительная реабилитация, – продолжил доктор. – Предварительно – от года до двух лет. Сроки могут варьироваться в зависимости от динамики восстановления. Также не исключены осложнения, включая воспалительные процессы.

– Сколько времени... – мой голос прозвучал глухо. – Сколько времени ей понадобится, чтобы восстановиться?

– Минимальные сроки я уже обозначил, – спокойно ответил он. – Однако точный прогноз возможен только после дополнительных обследований. Я не могу дать вам ответ сейчас.

Я кивнула.

– Если появятся вопросы, вы можете обратиться к персоналу отделения, – добавил он и вернулся к документам.

Видимо, это был знак, что разговор окончен.

– Идём, тебе нужно передохнуть, – тихо сказала Эн, внимательно вглядываясь в моё лицо.

Я поднялась, не споря. Мы вышли из кабинета, и Эн медленно повела меня обратно в палату. Там она помогла мне лечь. Меня быстро накрыл сон. Уже проваливаясь в темноту, я услышала:

– Тише... всё хорошо, – её лёгкое прикосновение к щеке стёрло слёзы.

Просыпаться не хотелось. Я с трудом открыла глаза и огляделась. Эн свернулась калачиком на небольшом диванчике в углу палаты. Несколько секунд я смотрела на неё, пытаюсь осознать, что меня разбудило.

За дверью кто-то говорил.

– Я не понимаю, почему из меня делают чудовище, – голос мамы звучал глухо. – Я всё для них делала...

Я замерла.

– Крутилась между работой, домом и их учёбой...

Повисла пауза.

– Никто даже не задумывается, каково было мне...

Я зажмурилась так сильно, что перед глазами потемнело. Мама была совсем рядом – всего в нескольких шагах от меня, по ту сторону двери. Я ждала, что она войдёт, что скажет хоть что-нибудь. Но дверь оставалась закрытой.

В коридоре послышался голос Рафаэля. Сначала тихий, приглушённый, но я всё равно узнала его. Через несколько секунд разговор оборвался, и ручка двери медленно опустилась. Рафаэль вошёл в палату.

Шорох на диванчике заставил меня перевести взгляд. Эн пошевелилась, открыла глаза и, заметив моего отчима, сразу посмотрела на часы.

– Я оставлю вас наедине и схожу на пост к медсестре, – сказала она, поднимаясь. – Скоро вернусь.

– Хорошо, – тихо ответила я.

Эн поднялась и вышла из палаты. Когда она открыла дверь, я увидела маму. Она стояла у стены в коридоре, сцепив пальцы перед собой. Наши взгляды на мгновение пересеклись. Мама тут же опустила глаза и сделала шаг назад, скрываясь в тени коридора. Дверь закрылась.

Я перевела взгляд на Рафаэля. Он не выглядел злым, но долго молчал, будто подбирал слова. Его взгляд скользил по палате, но так и не остановился на мне.

– Как Амелия? – спросила я.

Его лицо дрогнуло.

– Не спрашивай меня об этом, – глухо ответил он.

Я нахмурилась.

– Почему?

Он провёл ладонью по лицу, и его голос быстро стал твёрдым.

– Потому что я не знаю, что сказать, Роуз.

Он достал кошелек и кинул несколько купюр на тумбочку. Одна из них упала на пол, но он не обратил внимания.

– Это на такси, заберешь свои вещи. Потом... разберёмся со всем остальным.

Я не понимала, о чём он говорит.

– Нет. Не так. Просто... тебе нужно уехать.

– Амелия – моя сестра, – мой голос сорвался. – Я не могу просто уйти.

Рафаэль отошёл к окну.

– Ты хоть понимаешь, что происходит? – его голос был тихим. – Моя дочь лежит здесь, в больнице. Я каждый раз закрываю глаза и думаю... а что, если она больше никогда не сможет ходить?

Он провёл рукой по волосам и сжал кулаки.

– А потом я вижу тебя...

Он уставился на меня. Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

– Я не виновата...

– Не говори этого, – перебил он меня. – Не говори, что ты не виновата.

Рафаэль сделал шаг ближе. Его лицо было напряжённым.

– Ты понимаешь, чем для неё были эти танцы? – его голос начал повышаться. – Она жила этим, Роуз, – его руки задрожали. – Она столько работала, столько старалась. А теперь я стою здесь и не знаю, что будет с моей девочкой.

Я молчала, не зная, что сказать. Рафаэль тяжело дышал, его взгляд метался по комнате.

– Я столько лет пытался всё исправить... Я принимал тебя. Кормил. Заботился о тебе. Потому что Лотта просила, – его голос стал тише. – Я делал всё, что должен был.

Внутри поднялся жар. Он и «заботился»? Я в ярости отбросила одеяло и вскочила с постели, но остановилась, когда дверь палаты открылась. В палату вошла медсестра с подносом.

Рафаэль перевёл на неё взгляд, и его лицо смягчилось, но потом он снова посмотрел на меня.

– Половину твоего обучения оплачивал отец. Теперь этим придётся заниматься тебе самой.

Маслянистая тревога расползлась под кожей.

– Причём здесь мой отец?

Рафаэль моргнул. В его глазах мелькнуло настоящее удивление.

– А ты не знаешь?

Холод пробежал по моей спине.

– Что?

– Он умер сегодня ночью.

В палате повисла тишина.

– Что? – повторила я, не веря своим ушам.

Рафаэль вздохнул, его взгляд стал отстранённым.

– Твой отец давно болел. Не делай вид, что ты не знала.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Медсестра тут же подошла ближе.

– Месье, вы не должны говорить это пациенту в таком состоянии, – строго сказала она.

Рафаэль наконец перевёл взгляд на неё.

– Я сообщил члену семьи о смерти её отца. Не вижу в этом ничего такого. Нам всем сейчас тяжело.

Нужно найти телефон. Позвонить папе. Услышать его голос.

– Месье, покиньте палату, – голос медсестры звучал твёрже.

Рафаэль направился к двери и у самого выхода остановился. На мгновение мне показалось, что он начнёт спорить. Но вместо этого его взгляд скользнул по мне.

– Не забудь забрать свои вещи, Роуз.

Рафаэль кивнул своим мыслям и вышел в коридор.

Сжав руки на груди, я сползла на пол. Снова хлопнула дверь, в палату влетела Эн и сразу бросилась ко мне.

– Что случилось?! Мари!

Не добившись от меня ответа, она повернулась к медсестре.

– Что произошло? Что он сказал ей?

– Ох... Он сказал, что её отец сегодня скончался.

Эн ещё крепче стиснула меня в объятиях и погладила по спине, что-то нашептывая. В глубине души я понимала, что Рафаэль не стал бы врать. И проверять мне было нечего, но...

– Эн... По-помоги мне встать.

– Держу, обопришь на меня.

Она поддержала меня за талию и усадила на кровать.

– Телефон... – я указала на тумбочку, и Эн тут же подала мне его.

Руки дрожали, когда я, разблокировав экран, проверила последние сообщения.

«До связи, дочка♥» – прошлое сообщение от папы.

И ниже...

«Люблю тебя, дочка♥ Прости меня».

Отправлено много часов назад, когда я ещё не пришла в себя после переливания крови.

С дикой дрожью, покрываясь мурашками, я набрала папин номер.

Слушала гудки...

И снова, раз за разом...

Ответа не было.

Эн оставалась рядом ещё какое-то время, не выпуская меня из объятий. Её ладонь медленно скользила по моей спине, как будто пыталась задать моему дыханию ритм.

– Всё будет хорошо... Я рядом.

Я цеплялась за неё, как за единственное, что удерживало меня здесь, не давало окончательно развалиться.

Но через несколько минут в кармане её халата зазвонил телефон. Эн слегка отстранилась, и меня накрыла тревога ещё до того, как она успела что-то сказать.

– Мари... – мягко начала она. – Мне нужно ненадолго отойти. Меня вызывают на пост.

Я жала её рукав чуть сильнее, чем следовало.

– Я вернусь, как только смогу, хорошо? Если что-то понадобится – сразу жми кнопку вызова.

Я кивнула, хотя внутри всё протестовало против того, чтобы остаться одной. Тишина в палате стала осязаемой. В какой-то момент мне начало казаться, будто про меня все забыли. Или я вообще придумала себе большую часть произошедшего. В голове билась единственная мысль: «Хочу домой». В конце концов я встала и вышла к посту медсестёр. Про Эн ничего толком сказать не смогли, знали только, что она давно не появлялась.

«Наверное, у неё хватает своих дел» – от этой мысли стало неприятно пусто, но спорить с реальностью было бессмысленно.

Доктор Амелии давно покинул рабочий кабинет, а его номер мне отказались дать. Так что мне больше нечего было здесь делать и незачем было напрягать людей своим присутствием.

Спустя примерно час мне удалось выписаться, оплатив своё пребывание остатком денег на счету. Забрав все необходимые для страховки документы, я наконец вышла на улицу.

Свет фонарей причудливо скакал по земле, сильный ветер сбивал с деревьев последние листья. За это время я словно выпала из реальности и успела забыть, что на улице холодно.

На мгновение захотелось вернуться обратно в палату, в тепло, но я не могла позволить себе этого. Нужно было взять себя в руки. Другого выхода всё равно не было.

Я вызвала такси и поехала по сияющим улицам «домой», где быстро и в тишине собрала свои немногочисленные вещи. Мама и отчима не было. Я лишь на мгновение задумалась о том, где они проводили это время, но мысль тут же исчезла. Сейчас у меня просто не было сил переживать ещё и об этом.

Выйдя на улицу с сумкой в руках, я поняла, что моя машина осталась возле входа в парк. Глупо осмотревшись по сторонам, словно надеясь найти её здесь, я глубоко вздохнула и медленно побрела по знакомым дорогам. Когда закончилась освещённая часть пути и началась тропа через парк, я не остановилась, а упрямо заставила себя идти дальше. Форд был последним, что осталось от папы. Оставить его здесь я не могла.

Чтобы отвлечься, я попыталась построить хоть какой-то план действий среди пустоты в мыслях. Куда теперь податься? В общежитие? Наверное, стоит сначала съездить в квартиру

отца, немного перевести дух и понять, что делать завтра. И надо было наконец помыться, перекусить... Живот при этих мыслях отозвался ноющей болью.

Вскоре впереди появились знакомые ворота. Издали форд выглядел так, словно простоял здесь много недель. Капот был припорошён снегом, вокруг нападали листья. Одна из дверей была распахнута, и я невольно замедлила шаг, молясь о том, чтобы из машины не вытащили аккумулятор. Я осторожно пошла по кругу, светя фонариком телефона. Убедилась, что кузов не повреждён и вроде бы все детали были на месте.

Тогда почему была открыта дверца? Неужели я сама не захлопнула её?

Я ещё раз осмотрелась по сторонам, прислушалась к ветру, шорохам и далёкому шуму дорог. Ничего. Здесь словно всё замерло и больше не приходило в движение.

Поблагодарив всех известных мне богов за то, что машина завелась с первого раза, я включила печку и стала ждать, пока двигатель прогреется. Заодно попыталась дозвониться до матери. Три звонка. Пять. В конце концов я прекратила попытки, ограничившись коротким сообщением с просьбой перезвонить.

Когда двигатель наконец прогрелся, я выехала из парка. Жилой комплекс отца находился примерно в тридцати минутах езды.

Заглушив машину, я вышла в новую темноту. Здесь она была совсем другой – гуще и плотнее. Комплекс стоял на берегу озера, а позади него на несколько километров тянулся лес, не позволявший свету свободно проникать сюда. Несмотря на то, что некоторые дома сияли рождественскими огнями, мне стало не по себе от мысли, что сегодня придётся остаться в этой глуши одной.

Дубликат ключей от квартиры был у меня с собой, поэтому я беспрепятственно попала внутрь. Квартира была небольшой, на первом этаже, недалеко от входа. Заперев дверь, я положила ключи на тумбочку у входа, включила свет и замерла. Передо мной были привычный диван посреди небольшой гостиной, небрежно распахнутые двери в мою спальню и ванную, беспорядочно разбросанные вещи...

Я опустилась на пол возле двери. Я даже не пыталась остановить поток тоскливых образов. Прокручивала в голове все яркие воспоминания о тех днях, которые проводила вместе с папой. Вместе с Амелией. Мне никогда не забыть нашу первую встречу в «папином» месте.

Запах резины и мужского пота расплывался в воздухе боксерского клуба. Мы с Амелией стояли на старых матах, наши босые ступни мёрзли, пока папа туго затягивал нам перчатки.

Он показывал, как правильно держать стойку: плечи вперёд, подбородок вниз, не дрожать.

Но после первого же удара я услышала за спиной смех сестры, потому что промахнулась, оступилась и потеряла равновесие. Папа поймал меня за локоть и сказал:

– Ещё раз. Ты сильнее, чем кажешься.

Когда он показывал, как правильно бить по груше, она качалась под его ударами так мощно, что казалось – вот-вот сорвётся.

Он учил нас не отступать, не сдаваться и грамотно блокировать удары. Ведь если мы не решались бить первыми, то обязаны были уметь защищаться от тех, кто не боялся проявлять инициативу.

«Вы чувствуете себя в безопасности в этом месте?»

Это не вопрос, а воспоминание о нём. Поэтому я не отвечаю, а вспоминаю последнюю встречу в любимом месте Амелии.

В ноздри, как наяву, забился запах карамели – приторный и цепкий.

Я крепко держала за руку Мэл, пока папа тянул нас ко входу в парк развлечений. Под ярким солнцем ветер встряхивал воздушные шарiki над нашими головами, и я смеялась, ощущая лёгкую боль от слишком широкой улыбки.

Папа покупал всё, на что мы показывали пальцем: сахарную вату за четыре евро, липкие шипучие леденцы, пирожные с клубничным кремом.

А когда мы катались на американских горках, я кричала громче всех, судорожно сжимая его руку так сильно, что пальцы сводило судорогой.

Потом мы сидели в маленьком кафе у озера, а папа снимал нас на телефон и говорил, что это был лучший день в его жизни.

«А сейчас? Вы хотите остаться там или быть здесь?» Вопрос осторожно лёг поверх воспоминания. Я не хотела на него отвечать. Потому что знала ответ.

За звоном в ушах я не слышала подступавшей истерики, от которой внутри ломалось что-то важнее костей. Я зажмурилась.

«Выбор очевиден, разве нет? Я хочу остаться там».

У меня не осталось сил, и, обняв прижатые к груди колени, я осталась сидеть у двери. Что-то разбудило меня: громкий звук с улицы или из соседних квартир. От холода, пробравшего до костей, было сложно пошевелиться. Медленно разминая каждую мышцу, я поднялась с пола. На автопилоте пошла в сторону ванной комнаты, где яркий свет ударил в глаза, и я до крика испугалась того, что увидела в зеркале. Умывшись полутёплой водой, я открыла кран в ванной и оставила её наполняться. Сама же пошла за чистой тёплой одеждой и шерстяными носками.

Спустя час я уже была на кухне и бросала в ещё не закипевшую воду лапшу быстрого приготовления. Кто-то орал в моей голове, заглушая другие шумы. Я увеличила громкость, чтобы ни о чём не думать. К середине дня тело ощущалось разлаженным, как будто я шла на полшага позади себя. Когда я слишком быстро двигалась, кружилась голова, а мир наклонялся настолько, что заставлял меня останавливаться в самых неожиданных местах.

Я обнаруживала себя то возле комода с папиными вещами, то в своей комнате, разглядывающей фотографии, то на кухне, доедавшей переваренную лапшу прямо из кастрюли. К вечеру это ощущение стало ещё более выраженным. Я старалась отвлечься, смотрела в окно. Смотрела, как мир продолжал жить...

Когда раздался какой-то звон, я не сразу поняла, что это мой телефон. Я с опаской посмотрела на незнакомый номер, но все же ответила на звонок.

– Мадемуазель Бошен? Это вы? – услышала я чужой мужской голос.

– Кто... – мне пришлось прокашляться, чтобы вернуть себе голос. – Кто это?

– Это месье Ванторре, вы помните меня? Мы виделись, когда ваш отец приводил вас с сестрой в мой клуб. Давно это было...

– Да-да, я помню вас.

Неправда. Сейчас не помнила.

– Я пытался связаться с вашей матерью, но ничего не вышло. Мне пришлось позвонить вам. Мы... Вы уже знаете про отца?

– Мгм, – вместо слов вырвался сиплый хрип.

– Поскольку мы не смогли ни вчера, ни сегодня дозвониться до мадам Ван де Брук, мы решили взять все расходы на себя. Похороны завтра. Вы сможете приехать? Это не займёт много времени. Я пришлю адрес. Обсудим всё в клубе.

Слёзы подкатили к горлу. Я весь день избегала мыслей об этом, потакая своей слабости.

– Я могу подъехать сейчас?

– Мы уже закрыты, но я вас дождусь. Сейчас пришлю адрес.

Пришедшее сообщение застало меня уже в машине. Я открыла ссылку и увидела, что ехать всего десять минут. Проезжая мимо голых полей, покрытых снегом, я наконец смогла нормально разглядеть дорогу и дать глазам отдохнуть. Как же раздражали глаза все эти яркие

и весёлые огни в окнах чужих домов... В голове наконец перестали взрываться фейерверки, вызванные новогодними огоньками.

Месье Ванторре встретил меня на улице. Я опознала его по коротким седым волосам и крупному носу. Вспомнила, как он наблюдал за нашими с сестрой попытками научиться боксу и отпускал саркастичные комментарии, веселившие всех вокруг.

Выйдя из машины, я осталась неуверенно стоять возле дверцы, но потом поняла, что веду себя странно. Папа доверял ему и считал его хорошим другом. Сделав глубокий вдох, я направилась ему навстречу.

Всё происходило словно не со мной. Месье Ванторре был словно добрый дедушка, который переживал за внучку. Уже после похорон, когда люди начали расходиться, он осторожно заговорил со мной:

– Мари, тебе сейчас придётся заниматься бумагами. Наследство, счета, формальности...

Он чуть замялся и поправил галстук, подбирая правильные слова.

– Я могу помочь тебе с оформлением всех документов. Тебе не придётся разбираться одной.

Я подняла на него взгляд и несколько секунд молчала, сжимая кулаки в карманах.

– Спасибо, месье Ванторре... Правда. Но я... я лучше сама.

Он нахмурился, будто хотел возразить.

– Ты уверена? Это может быть тяжело.

– Я не хочу вас больше беспокоить, – мягко перебила я. – Вы и так сделали слишком много. Я справлюсь.

Между нами повисла тишина. Затем он коротко кивнул.

– Хорошо, Мари. Но если передумаешь – ты знаешь, где меня найти. Твой отец был мне больше, чем друг, так что и ты не чужая. Если понадобится помощь – ты знаешь где меня найти.

Кажется, теперь я понимала, почему папа так обожал боксерский клуб и рассказывал о нём часами.

Вечером я вернулась в квартиру. Внутри звенела абсолютная пустота. Осталось только одно желание – поскорее лечь спать, но глаза упорно не хотели закрываться.

Когда стрелки часов показали половину третьего утра, я со вздохом поднялась, уже не надеясь уснуть. Чтобы хоть чем-то себя занять, сначала попыталась позвонить матери. Ночью. Назло. Сразу же услышала короткие гудки. Когда звонок отключился, я увидела от неё голосовое сообщение.

«Прекрати мне названивать! Сколько можно?! Ты вообще понимаешь, что ты натворила? И даже не думай звонить Рафаэлю. Думаешь, я не видела, как ты на него смотрела? Как улыбалась ему? Как старалась привлечь его внимание? Как красилась и наряжалась, когда он был рядом? Ты прекрасно знала, что делаешь. После всего, что ты устроила, я больше не хочу ни слышать твой голос, ни видеть тебя. Не звони мне больше!»

Телефон, брошенный на кровать, с глухим звуком упал за её край и приземлился на пол.

Я сразу потянулась к ноутбуку, чтобы проверить свои догадки. Сообщения в мессенджере от Амелии и мамы были заблокированы, их аккаунты закрыты.

Серьёзно? И тут меня заблокировала?!

А телефона у Амелии не было, и когда он появится – неизвестно. Подмороженное сердце уже не ныло, но после сообщения от мамы в ладонях зародилось покалывание, которое мурашками растекалось до локтей и с плеч спускалось в грудную клетку. Дышать становилось всё труднее, словно на груди сидел тяжёлый кот, выпускающий когти. Его вес постепенно становился невыносимым, давил на плечи.

Я медленно подошла к окну. Оно открылось с трудом, но в итоге поддалось. Я вдохнула свежий воздух. Это немного помогло, но ненадолго, и тогда я решила выйти на улицу. Здесь, на

окраине, огней было меньше. Меня встретили поля, широкое озеро и одинокие тёмные жилые комплексы. Я передёрнула плечами от липнущей темноты и всё равно не могла отделаться от мыслей о маме...

Оглянувшись по сторонам, я нашла лавочку у одного из фонарей и села. Кошачий мех забил горло и защекотал глаза, от чего те наполнились слезами. Следующие пять минут я просто рыдала, выталкивая облачка пара и промерзая изнутри. И тут на нос приземлилась снежинка. Я сразу замолчала, как будто нажатия холодной кнопки было достаточно, чтобы остановить поток эмоций. Снежинка быстро растаяла. Я встала с лавочки, когда снежинки перестали таять на ресницах и руках. Я была рада этому холодному снегу, пока брела домой. Снег прогнал кота.

Подойдя к квартире, я увидела то, что раньше ускользало от моего внимания. Свет фонаря выхватил из темноты стоящий у стены почтовый ящик. Несколько минут я возилась с ключами и наконец достала несколько одинаковых белых конвертов, которые скопились за это время.

«Кристоф Бошен»

Как будто ничего не изменилось.

Как будто отец всё ещё мог прочитать эти письма сам.

В одном из писем было уведомление о коммунальных платежах. Увидев, что счёт вырос, я невольно застонала. Испугавшись, что кто-то услышит, я поспешно вошла в квартиру.

За остаток ночи я составила план действий. Сначала нужно было купить еду, которая не требовала долгого приготовления и могла долго храниться. Я освободила холодильник от испортившихся продуктов и утром пошла в ближайший магазин. Там я купила лапшу, акционные консервы с длинным сроком годности, замороженные круассаны, кофе, сахар и плитку горького шоколада. Ещё я взяла немного мандаринов и забежала во фритюрню.

Вернувшись домой, я начала разбирать вещи отца. Осторожно открыла шкаф, прислушиваясь к скрипу старых петель. Одежды оказалось немного: аккуратно сложенные рубашки, куртка и несколько свитеров. Я перебирала вещи медленно, касаясь ткани пальцами, будто пыталась запомнить их на ощупь. В тумбочке я обнаружила документы, старые чеки, какие-то заметки и фотографии. Среди них был конверт. Внутри лежали деньги. Сумма была небольшой, но её хватало, чтобы на время забыть о самом страшном. Я пересчитала купюры дважды, боясь ошибиться. Пока этого хватит. Папа знал... и специально отложил немного денег. Этим он снова давал мне опору.

Надев папину куртку, я вышла из квартиры и направилась к ближайшему платёжному терминалу. Экран слабо мерцал, когда я вложила деньги и выбрала нужные пункты: коммунальные услуги, квартира, номер, сумма. Платёж прошёл успешно. Я долго смотрела на полученный чек, прежде чем сложить его пополам и убрать в карман.

До вечера я разбирала папины вещи. Одежду складывала в коробки, освобождая несколько полок в шкафу. Нужно было не забыть перевезти сюда вещи из общежития, поэтому я поставила себе напоминание в календаре. Количество дел давно перевалило за допустимый предел, и я уже перестала надеяться удержать их в голове. Теперь всё приходилось записывать.

С остальными вещами оказалось сложнее – они хранили слишком много воспоминаний. Я сидела на полу возле тумбочки и перебирала фотографии из того самого парка аттракционов. Я, Амелия и папа. На одной из них он обнимал нас за плечи, а мы смеялись так искренне, будто впереди была целая жизнь. Я медленно провела пальцем по краю снимка, боясь, что стоит отпустить его – и исчезнет что-то ещё.

Потом среди вещей нашлось обручальное кольцо. Я задержала его в ладони чуть дольше, ощущая холод металла, прежде чем осторожно положила в небольшую шкатулку. Если ты сохранил его, я тоже не стану выбрасывать. Хотя это уже нельзя починить.

Когда за окном начало темнеть, я всё ещё сидела на полу. В какой-то миг глаза закрылись сами собой, и я провалилась в сон.

Ранним утром какого-то по счёту дня я стояла у плиты. Машинально бросила привычную лапшу в холодную воду, даже не задумываясь, как её вообще следовало варить. Следом отправила в кастрюлю специи и весь пакетик острого соуса, а потом, бессмысленно постукивая ложкой по краю кастрюли, стала ждать, пока вода закипит. Пузырьки, поднимавшиеся со дна, странным образом гипнотизировали меня, не оставляя места чувствам.

Надо бы съездить к нотариусу и оформить документы. Надо бы сообщить в университет, что теперь я буду жить здесь... Надо... Проект! От этой мысли внутри всё резко сжалось. Совсем забыла о нём!

Я бегом бросилась в спальню и вытащила из-под кровати телефон с разбитым экраном. Не обращая внимания на то, как осколки царапают пальцы, сразу перезвонила по первому номеру в списке пропущенных – напарнице по проектной работе.

– Ты пропустила слушание, – без приветствия начала она. – И не сдала свою часть работы.
– Я...

– Я так и знала, говорила всем, что не стоит рассчитывать на тебя, когда ты ничего не прислала в назначенный день. Мы же договорились, Мари!

– Да, я знаю. Я... прости. Профессор что-то говорил?

– Прости? Серьёзно? Это ты скажи учебной части, твою сессию наверняка перенесут на лето. Профессор был разочарован, он больше всего ждал твоего выступления. Спасибо, что «кинула» нас!

Связь оборвалась. Лишь тогда я услышала, как на кухне шипит выплеснувшаяся из кастрюли вода. Запах пригоревшего соуса ударил в нос, но я ещё несколько секунд продолжала неподвижно стоять с телефоном в руке. Мысли металась одна за другой, цепляясь друг за друга и не складываясь во что-то цельное. Только спустя полчаса мне удалось хоть немного успокоить дыхание и собрать их воедино.

Сам перенос сессии меня не пугал. Гораздо страшнее было другое. Если я не смогу оплатить учёбу, до отчисления останется всего один шаг. А значит, чтобы не проходить курс заново, нужно было искать работу как можно скорее. Лучше всего – прямо на территории университета.

К моему счастью, профессор выслушал мои объяснения и причину задержки, а затем согласовал сдачу проекта на следующий курс и посоветовал написать официальный запрос на отсрочку платежей за обучение. И это была лучшая новость за последнее время. Я даже не подумала о такой возможности. Поблагодарив профессора и попрощавшись, я быстро вышла в коридор.

После тишины папиной квартиры университетский корпус обрушился на меня шумом голосов. От гомона толпящихся вокруг студентов стало не по себе. Стараясь ни с кем не столкнуться, я пробиралась по коридору. В воздухе смешались запахи сигаретного дыма, дешёвого кофе и еды из кафетерия. В какой-то момент я поняла, что именно напоминал мне этот запах – тлеющий табак и бумагу, – и тошнота тут же усилилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.